

РОССИЯ, СЛАВЯНСТВО И АНТАНТА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗАХ ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОКА РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НОЯБРЬ 1918 – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6).

Цель статьи – выявление роли прогностических текстов о судьбе России, стран Антанты и славянских государств, в риторике официальной и проправительственной печати, издававшейся на территории востока России в период существования правительства А.В. Колчака. Рассматриваются особенности содержания моделей будущего, представленных в этих текстах, и определяется круг задач, которые данные модели призваны были решать. Делается вывод о том, что западные союзники и славянство играли важную роль в позитивных и негативных образах будущего, которые в свою очередь формировались с целью легитимации правительства А.В. Колчака и консолидации сибирского общества.

Ключевые слова: прогнозы; будущее; правительство А.В. Колчака; Гражданская война в России; периодическая печать; Антанта; славянство.

В середине 1918 г. в результате выступления чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья советская власть на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока была свергнута. Гражданская война, по словам Н.Е. Какурина, вступила в новый фазис своего развития, характеризующийся возникновением «правильных фронтов» и столкновениями «больших организованных» армий [1. Т. 1. С. 20]. Вместе с тем на востоке России начался длительный и противоречивый процесс конструирования единой антибольшевистской власти. Временное Всероссийское правительство (Директория), созданное в сентябре 1918 г. на Уфимском совещании, стало результатом шаткого компромисса, который не удовлетворял ни кадетов, ни Временное Сибирское правительство [2. С. 53]. В результате в ходе военного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске было создано правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком.

Как и его предшественники, Верховный Правитель нуждался в признании как внешнем, так и со стороны населения Сибири. «Наращение вооруженного конфликта и усиление идеологического противостояния подталкивало лидеров контрреволюции к выводу о необходимости целенаправленной пропаганды и разъяснительной работы среди населения» [3. С. 113]. Использование наиболее массового средства передачи информации тех лет – периодической печати – позволяло сформировать положительный образ режима и обеспечить тем самым его легитимацию. Государственная и проправительственная печать при этом не просто определяла повестку дня, но и являлась средой, в которой происходили создание и репрезентация различных идеологических конструкций в противовес пропаганде большевиков.

Неотъемлемыми элементами официальной риторики являлись образы «Других» – как врагов, так и союзников, которые играли важную роль не только в формировании представлений о внешнем мире, но и в процессе создания собственной идентичности. Особое место в содержании риторики официальной и проправительственной прессы занимал образ союзников, представленных странами Антанты, а также славянскими народами. Интерес к странам Антанты был

вызван надеждами лидеров антибольшевистских сил на получение помощи и признание со стороны союзников, в то время как пристальное внимание к новообразованным славянским государствам отражало стремления к укреплению влияния России в славянском мире, что во многом было связано с задачей восстановления величия страны – одной из ключевых идей в пропаганде белых. Образ «Другого» рассматривается как динамичная информационно-пропагандистская конструкция, складывающаяся на основе текущего восприятия изображаемого объекта, оценок и стереотипов, накопленных предшествующим опытом взаимодействия с ним, а также представлений о его будущем.

В моделях будущего настоящее предстает будучи перестроенным и заново организованным в соответствии с установками, целями и желаниями тех, кто осуществляет прогнозы [4. С. 126]. Таким образом, моделирование являлось важным инструментом формирования образов «Других» и контекста, в который они были помещены. Предполагаемые модели будущего, включавшие в себя образы союзников и врагов, представляют интерес в первую очередь тем, что в них отражались надежды и опасения, ожидания и идеалы их создателей. Анализ политических прогнозов, представлявших собой оценки текущих тенденций и их экстраполяцию, вкупе с ревизией прошлого опыта [Там же. С. 127] позволяет выяснить, какие события и явления среди прочих рассматривались идеологами антибольшевистских сил в качестве судьбоносных для России, ее союзников и врагов. Прогнозы во многом отражали «идеологический багаж» их составителей. Отстаиваемые идеалы воплощались в благоприятных сценариях. Предлагавшиеся на страницах печати пути достижения позитивного будущего выражают представления авторов о наиболее приемлемых и эффективных способах решения проблем, стоявших перед страной.

Предметом рассмотрения данной работы являются внешнеполитические прогнозы, касающиеся прежде всего взаимоотношений России со славянскими государствами и державами Антанты. Основным источником выступили прогностические тексты о России и

ее союзниках, публиковавшиеся в официальных и проправительственных периодических изданиях и содержащиеся в служебной переписке чиновников Омского МИДа. Под прогностическим в данном случае понимается такой текст, «основная прагматическая установка которого темпорально относится, прежде всего, к будущему и включает в себя прогноз как тематическое ядро» [5. С. 207].

Затрагиваемый в данной публикации вопрос находится на пересечении нескольких проблемных полей. Образы времени и представления о прошлом и будущем в настоящее время являются предметом изучения представителей различных гуманитарных дисциплин как в России, так и за рубежом [6, 7]. Особенности формирования представлений о будущем изучаются в рамках междисциплинарных исследований политического дискурса. Так, О.А. Солопова отмечает сразу несколько подходов к изучению моделей будущего и их роли в дискурсах, среди которых следует отметить лингвопрогностику, политическое прогнозирование, футурологию, лингвосинергетику, семантику возможных миров [8].

Процесс формирования образа стран Антанты в общественном сознании населения России в годы революции и мировых войн изучался в работе О.С. Поршневой и А.В. Голубева [9]. Образ союзников в материалах сибирской прессы рассматривался в исследованиях П.Л. Нестеренко [10] и М.М. Стельмака [11].

Цель исследования – выявить роль прогностических текстов о судьбе России, стран Антанты и славы в риторике официальной и проправительственной печати, издававшейся на территории востока России в период существования правительства А.В. Колчака, рассмотрев особенности содержания моделей будущего, представленных в этих текстах и определив круг задач, которые данные модели призваны были решать.

Установление власти адмирала А.В. Колчака в Омске практически совпало по времени с заключением перемирия на Западном фронте мировой войны. В связи с этим как официальный печатный орган – «Правительственный вестник», так и другие издания публиковали на своих страницах значительное количество материалов, авторы которых рассуждали о том, какую роль в рамках нового миропорядка будет играть Россия.

Центральная идея в содержании риторики антибольшевистских сил выражалась формулой «восстановление великой и единой России». Данная идеология выступала смысловым каркасом для большинства образов будущего, представленных в заявлениях политических и военных лидеров белого Омска, правительственных декларациях и различных газетных публикациях. В силу тактики «непредрешения», а также политической и социальной неоднородности противников советской власти отстаиваемые ими идеалы «светлого будущего» были весьма размыты. Вместе с тем политические прогнозы в большинстве своем не являлись долгосрочными во многом еще и потому, что события внутри России и за ее пределами сменялись с калейдоскопической быстротой. Все позитивные образы будущего выстраивались по единой

схеме, содержащей ряд ключевых событий – победу над большевиками при поддержке союзников, объединение страны, создание центрального правительства и участие российской делегации в Мирной конференции. Таким образом, модели будущей «возрожденной» России, в представлении лидеров и идеологов антибольшевистских сил, предполагали воссоздание сильного, скованного правопорядком государства, занимающего равное место среди великих держав.

Пристально наблюдая за международной конъюнктурой по доходящим до Сибири телеграфным известиям из Европы и США, представители прессы востока России выделяли ряд тенденций в мировой политике, в рамках анализа которых происходили формирование и корректирование образов будущего. Все эти тенденции можно сгруппировать в два ключевых направления.

Первое направление связывалось с установлением *новых принципов взаимоотношений* между государствами. Здесь особое внимание прессы привлекали идеи и ценности, на основе которых победители планировали закладывать фундамент новой системы международных отношений. Основным источником новых идей выступала программа президента США В. Вильсона – знаменитые «14 пунктов», обсуждению которых была посвящена не одна статья.

Демократия как основа будущего. Окончившаяся война сразу была воспринята как грандиозная веха, отделившая одну эпоху от другой, прежний мир от будущего, в котором могут быть воплощены лучшие надежды и прогрессивные стремления человечества. В речи по случаю окончания войны на заседании Союза Возрождения Г.К. Гинс, рассматривая войну как борьбу «культурной демократии» против милитаризма и авторитаризма, отмечал: «Возврата к прошлому нет. Нет прежней Германии и нет прежней России. Перед нами новое будущее» [12. 29 ноября].

Лейтмотивом ряда статей, появившихся в печати в конце 1918 г., стало утверждение о том, что «старый строй жизни народов осужден навсегда» и в основу нового мира будут положены идеи демократии и гуманизма, которые потребуют полного ревизионизма всех политических и социальных взаимоотношений [13. 1 дек.]. В декабре 1918 г. в «Правительственном вестнике» был помещен анализ серии статей из американской газеты «Times» под названием «Основы прочного мира», где были изложены основные принципы будущего мироустройства. Данные принципы включали: искоренение милитаризма как «формы душевного склада народа»; проведение принципа «открытых дверей» в международной торговле; создание новых форм международной гарантии национальной безопасности; так, для решения международных конфликтов должен быть создан Международный Суд [12. 11 дек.].

Признав распространение идей свободы и народоуправства одной из ведущих политических тенденций, Омское правительство поспешило заявить о том, что оно также стремится к «охране свободного демократического строя» [Там же. 21 ноября]. В начале января 1919 г. посол в Париже В.А. Маклаков телеграфировал в Омск: «Война здесь кончилась победой демо-

кратий и демократические идеи здесь сильны. Это страшно влияет на отношение к России. Вопросы интервенции, признания правительства, нашего полноправного участия на конгрессе [мирном. – К.К.] и даже самые условия мира зависят от того, в какой мере будущая Россия будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам». Вследствие этого посол считал необходимым наличие торжественных заявлений, «которые показали бы истинное лицо той России, которая будет завтра» [14. Л. 2]. Внешнеполитическая конъюнктура порождала, по словам Н.В. Устрялова, одно из многочисленных противоречий, которыми терзалось Омское правительство: «Внутри все вопияло о диктатуре. Вне нужно было выглядеть благопристойной демократией» [15. С. 231].

Таким образом, целью официальной риторики было формирование образа Омского правительства как единственной силы, способной, в конечном счете, привести Россию к народоправству, в отличие от большевиков, «совершенно исказивших истинный демократизм» [16. 26 авг.]. На протяжении 1919 г. в официальной и проправительственной печати время от времени появлялись утверждения, смысл которых сводился к тому, что в России, несомненно, будет установлена демократия. «Для здоровой и счастливой жизни народа есть только один путь. Россия должна стать современным, демократическим государством, управляться по законам, выработанным правильно избранными народными представителями, жить современной, культурной жизнью, как живут передовые страны», – указывалось в одной из статей газеты «Голос сибирской армии» [17. 19 июня]. Детальных описаний грядущего политического устройства России, как правило, не следовало, поскольку вопрос об устройстве власти, по словам лидеров антибольшевистских сил, должно было решать Учредительное / Национальное Собрание.

Как отмечают А.В. Голубев и О.С. Поршнева, «образы “Чужих” были проекцией национальных, политических, религиозных и иных идеалов, а также идеалов и ценностей отдельных слоёв общества» [9. С. 12]. Союзные демократии в данном контексте играли роль эталона, на который следовало ориентироваться при строительстве российской политической системы в будущем. Стремясь сплотить общество и мобилизовать его на борьбу, белые использовали положительный образ союзников в качестве воодушевляющего примера. «Мы многому еще должны научиться у Запада и в первую очередь его действительно патриотизму, его изумительному и величественному равенству – всеобщему равенству в повинности кровью, когда того требует Родина», – отмечалось в новониколаевской «Нашей газете» [18. 25 окт.]. Кроме того, на страницах кадетской печати союзники, как носители «истинного демократизма», активно противопоставлялись представителям «революционной демократии» – эсерам и меньшевикам.

Мир для всего мира? Выдвигавшиеся лидерами союзных держав, в частности В. Вильсоном, идеи всеобщего мира и предотвращения войн, выражавшиеся в концепции Лиги Наций, были восприняты печатью антибольшевистских сил в качестве еще одного

столпа строящегося миропорядка. При этом проект президента США воспринимался двояко. С одной стороны, считая необходимым возвращение России в сообщество «великих держав», белые приветствовали Лигу наций, в составе которой будет присутствовать и возрожденная Россия. С другой стороны, будущая лига народов нередко характеризовалась в прессе как «утопия – плод ученых фантазеров» [19. 14 янв.], а ее вдохновитель – как «идеалист» [20. 14 янв.].

Отсутствие России на Мирной конференции вкупе с ростом убежденности в том, что новый миропорядок строится с помощью старых методов блоковой политики приводили к постепенному разочарованию в идее Лиги наций. Кроме того, сообщения о революционных событиях в Германии и Венгрии, военные неудачи антибольшевистских сил на восточном фронте весной–летом 1919 г., а также отсутствие, вследствие этого, официального признания Омского правительства со стороны Антанты способствовали внесению мрачных красок в позитивные прогнозы и усилению мотива неопределенности будущего Европы и мира в целом.

Даже подписание мирного договора в Версале между союзниками и Германией в середине 1919 г. не ставило, по мнению антибольшевистской прессы, окончательную точку в вопросе завершения войны и ликвидации ее последствий. «В потрясенной пятилетней войной Европе продолжает еще гореть и дымить костер российского большевизма, заливающего кровью громадные пространства Старого Света, – писала газета “Русь” со ссылкой на “Отечественные ведомости”. – Догорая в России, он закидывает искры далеко вокруг, ставя едва достигнутые союзнические успехи перед новой темной опасностью» [21. 10 июля]. Собирая о ряде конфликтов на пространстве от Балкан до Прибалтики и нарастании противоречий между великими державами, редакция газеты «Военные ведомости» подводила неутешительный итог: «идеал мира всего мира отодвигается в далекое будущее» [16. 22 июля].

Отношение к Лиге наций, таким образом, наглядно иллюстрирует восприятие всей системы международных отношений, выстраиваемой победителями. Отсутствие России, наряду с побежденными странами, среди государств – членов Лиги воспринималось как унижение и служило основанием для сомнений в долговечности нового миропорядка.

Интернационализм или «идея национальности»? Также вниманию подвергался вопрос об интернационализме и национализме и их влиянии на взаимоотношения народов в будущем. Отрицая идеи интернационализма, провозглашенные большевиками, белые противопоставляли им тезис о необходимости «здорового патриотизма». Как отмечалось в одной из статей, «война и, особенно, революция показали, что идея национальности не миф, не химера, а крепкий остов всякого государственного тела» [12. 15 дек.]. В качестве доказательств на страницах официальной и либеральной прессы приводились рассуждения о том, что именно патриотизм позволил союзным нациям сохранить боевой дух и выиграть войну, в то же время верность национальной идее дала воз-

мжность славянским народам сохранить свою самобытность, несмотря на германскую культурную экспансию. Таким образом, в будущем, по мнению белых, «единственно верным путем к всечеловеческому единению» станет постепенное национально-культурное развитие народов [12. 1 дек.].

Самоопределение народов как практическая реализация «идеи национальности» воспринималось при этом весьма двойственно. Если создание славянских государств в Восточной Европе приветствовалось, то самоопределение окраин бывшей Российской империи воспринималось в штыки и трактовалось не иначе как «расчленение». Так, директор Российского телеграфного агентства (РТА) С. Сверженский [22. С. 116], ссылаясь на данные владивостокской газеты «Эхо», указывал на то, что в случае самоопределения окраин Россия потеряла бы значительную часть стратегически важных территорий, большой процент населения, богатые месторождения полезных ископаемых и незамерзающие порты на Черном море и на Балтике. «Язык цифр достаточно убедителен, чтобы заставить нас признать, что это самоопределение есть крах России как великой державы», – гласил неутошительный вывод автора [23. 11 апр.].

Таким образом, следует отметить, что авторы официальной и проправительственной партийной печати весьма утилитарно подходили к выдвинутым союзными лидерами идеям. Все три примера наглядно демонстрируют, что белые рассматривали идеи демократии, всеобщего мира и самоопределения наций через призму государственных интересов («государственных» в понимании лидеров и идеологов антибольшевистского движения). Противоречие данных идей интересам «великой и единой России», скорое возрождение которой не подвергалось сомнению, приводило к несогласию и критике как самих новых концепций, так и предлагавших их союзников.

Второе направление касалось *перераспределения сил* на мировой политической арене, произошедшего по итогам беспрецедентной по своему масштабу войны. Во многом эти изменения рассматривались как своего рода практические результаты реализации идей, провозглашенных союзниками.

Германия и большевики – угроза сохраняется? Сообщения о поражении Центральных держав провоцировали в сибирской прессе рассуждения о том, что в ближайшем будущем ни Германия, ни ее союзники не смогут играть сколько-нибудь важной роли в международных отношениях. «Грядущий мир несет Германии довольно тяжелые испытания, ибо союзная коалиция, в общей сложности, оказалась сильнее и использует все выгоды своего положения продиктуя мир, который может навсегда положить предел мечтаниям тевтонской расы о гегемонии», – отмечалось в «Правительственном вестнике» [12. 20 нояб.].

В ходе анализа текущих событий рассматривались также и возможные способы достижения основных целей антибольшевистского движения. В рамках нового расклада сил, установившегося после разгрома Центральных держав, единственным препятствием на пути России к единству и возвращению статуса великой державы виделся большевизм. Поскольку боль-

шевики считались союзниками и агентами Германии, активные действия стран Антанты против советского правительства казались белым вполне обоснованными и логичными. Трагедия окончившейся мировой войны как противоборства демократии и авторитаризма переносилась и на Гражданскую войну в России. Трансформация большевиков из «союзников и агентов» немцев в угрозу цивилизации и демократии превращала тем самым внутрироссийскую борьбу в эпицентр мирового противостояния между силами «добра» (союзники и белые) и «зла» (большевики, Германия). Официальные заявления союзников, выдержанные в благожелательном тоне по отношению к Омску, относительные успехи армий А.В. Колчака на восточном фронте на рубеже 1918–1919 гг. вкупе с рассуждениями о скором созыве мирной конференции заставляли некоторых строить весьма позитивные (для антибольшевистских сил) прогнозы относительно исхода этой борьбы.

Накануне нового 1919 г. на страницах некоторых изданий высказывалось мнение, что Антанте выгоднее как можно скорее разгромить большевиков для того, чтобы заняться европейскими делами. «Отечественные ведомости» в связи с этим писали: «Помощь союзников, снабжающих наши фронты всеми средствами войны, до знаменитых танков включительно, не замедлит сказаться самым решительным образом. Нам и нашим союзникам невыгодно затягивать зимнюю кампанию. Мировая обстановка, диктует решительные и быстрые действия, а мирный конгресс, на котором будет представлена и Россия, вынуждает ликвидировать российскую неурядицу в течение ближайших месяцев или даже недель» [24. 27 дек.].

Поздравляя читателей с наступившим новым годом, редакция «Голоса сибирского казачьего войска» журнала «Иртыш» выражала уверенность, что «1919 г. будет последним годом борьбы, как внутренней, так и внешней». «Мы убеждены также, – отмечалось в издании, – что этот год будет годом возрождения России и поэтому, приветствуя наших читателей с Новым годом, мы говорим также “и с новым счастьем”, ибо все прошлое останется позади, жизнь вступает в новую колею, которая приведет нас и весь народ наш к желанному миру, свободе, порядку и лучшей жизни, чем той, которой мы жили до сих пор» [25. № 2. 17 янв.].

Такой оптимизм не только отражает стремление убедить сибирскую общественность в том, что правительство А.В. Колчака, поддерживаемое великими державами, близко к победе. Подобные рассуждения можно рассматривать как способ донести до союзников мысль о том, что помощь России выгодна им самим и тем самым подтолкнуть их к более активным действиям. Победа над большевиками, которую должны были одержать союзники и белые, представлялась как завершающий акт мировой войны, после которой начнется строительство нового будущего.

Под влиянием внутренних неудач антибольшевистского движения и разочарований в союзной политике радужные прогнозы рубежа 1918/19 поблекли и к концу 1919 г. уступили место тревожным ожиданиям новых кризисов и войн, виновниками которых

способны стать большевики и жаждущие реванша немцы. Менее года потребовалось, чтобы суждения о полном поражении Центральных держав уступили мнению о том, что Германия, «спаянная еще сильнее, чем ранее, единою мыслью о восстановлении Великой Германии, сильная национальным духом и богатая знаниями и техническими силами, несомненно, станет одним из важных факторов политической жизни, с которым будут считаться на мировой бирже» [25. № 39. 9 окт.].

Появление в печати сведений о нарушении Германией ограничений, наложенных Версальским договором, приводило к появлению и вовсе пророческих высказываний. Автор одной из статей томской «Нашей газеты» сумел разглядеть в освещаемых им событиях одну из предпосылок будущей катастрофы. По его мнению, самым сильным орудием Германии против ее победителей являлась ненависть, которую немцы «тщательно выращивали в их сердцах». «И может, когда-нибудь вся эта ненависть не сможет дальше сдерживать себя и обрушится на победителей, – писал автор. – Что произойдет тогда, предсказать трудно, но можно быть уверенным, что мы вступим тогда в полосу таких событий, перед которыми переживаемое теперь покажется прекрасным прошлым» [26. 3 дек.].

Новые лидеры из Нового Света. Не менее важными считались перемены за пределами Европы. Пресса востока России неоднократно писала о существенном укреплении позиций США и Японии по итогам войны. «Выступив последнею, Америка без особого труда заняла доминирующее положение, каковое она, конечно, надолго будет сохранять; ее голос в европейском концерте звучит особенно мощно», – полагала редакция кадетской газеты «Свободный край». По мнению иркутских кадетов, целью руководства США являлось закрепление лидерства страны во всех ключевых сферах: «...стремясь сохранить за собой политическое господство просвещенный и гуманный глава Заатлантической республики, президент Вильсон в не меньшей степени поглощен заботами об упрочении первенства и в сфере экономической жизни» [19. 2 февр.]. Газетные сообщения, посвященные активной внешнеполитической деятельности президента В. Вильсона, информация о возросшем, особенно на фоне ослабленной войной Европы, экономическом и военном потенциале США подталкивали к выводу о том, что в новых условиях «центр мирового развития и силы переместился из Англии в Америку» [17. 29 апр.].

Не могла пресса (особенно забайкальская и дальневосточная) обойти вниманием и Японию, стремившуюся укрепить свое влияние на Дальнем Востоке. В рамках данного контекста обсуждалась также проблема экономического и возможного военного противостояния США и Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В одной из статей, посвященных вопросам политики обеих стран, в частности проблеме вооружений, читинская кадетская газета «Забайкальская новь» говорила о Японии как единственной великой державе, где «военные имеют преобладающее значение, управляют иностранной национальной полити-

кой». Отмечалось, что сохранение такого положения могло бы стать угрозой для перспектив всеобщего разоружения и демократии. Примечательно, что автор публикации указывал на возможную ответственность Японии за новую войну, говоря: «Недопустимо, чтобы предрассудки и честолюбие военной касты Японии повели вниз весь мир» [27. 26 дек.].

Анализируя перемены в Тихоокеанском регионе, политические деятели и журналисты Востока России пытались обозначить перспективы и ключевые задачи России на Дальневосточном направлении. Характеристика тех или иных политических шагов США и Японии и их экономического состояния порой сопровождалась обоснованиями выгод от сотрудничества с этими странами. Нередко в данном случае затрагивался вопрос выбора будущего союзника.

Среди социалистической и «государственно-мыслящей» печати господствовала ориентация на западных союзников. При этом США в силу географической близости и огромного экономического потенциала рассматривались как наиболее перспективный экономический партнёр для восточной части России. Данная точка зрения была распространена не только в печати, но и в политическом руководстве белых. В качестве наглядной иллюстрации подобных представлений следует привести мнение советника 2-го политического отдела омского МИДа В.И. Язвицкого, согласно которому выдвижение США на роль мирового лидера могло быть использовано Россией. В докладной записке, посвященной анализу выступлений президента В. Вильсона, чиновник отмечал, что в ближайшем будущем Россия может представлять интерес для США как огромный рынок сбыта и поле деятельности для американского капитала. Между тем назревание противоречий между Японией и США, а также между США и Британией и тот факт, что Америка «не заинтересована в России территориально», в будущем могли бы стать факторами, способствующими установлению прочного союза между США и Россией. В то же время В.И. Язвицкий считал маловероятным конфликт между Америкой и Англией, справедливо полагая, что британцы предпочтут «разделить владычество над миром путем слияния с частью своей же нации, чем рисковать в игре случайных комбинаций и временных интересов чуждых государств» [28. Л. 6].

Постепенное разочарование в Западных союзниках, в частности США, вместе с тем усиливало симпатии к Японии, от которой ожидали активного участия в борьбе против большевиков. Как отмечал один из идеологов Омского правительства Н.В. Устрялов, «японцами бредили более правые элементы» [29. С. 232]. Так, читинская пресса правоконсервативного направления, находившаяся под контролем атамана Г. Семенова, активно стремилась склонить симпатии населения Забайкалья в сторону Страны восходящего солнца. По мнению редактора газеты «Восточный курьер», политическим «грядущим» России должен был стать союз с Японией, который «диктуется и территориальной близостью, и помощью Японии в нашей беде, и народными симпатиями, и общностью интересов на Дальнем Востоке» [30. 13 авг.].

Возрождение славянства и роль России. В еще одном своем докладе, подготовленном предположительно в январе 1919 г., упомянутый выше В.И. Язвицкий отмечал, что перемещение центра политической борьбы на Дальний Восток «создало очень благоприятные условия для славянства». Далее, указывая на важность переживаемого исторического момента для укрепления позиций России в славянском мире, В.И. Язвицкий считал необходимым добиться следующего: обеспечить владение Россией Мраморным морем с проливами; воссоединить Прикарпатскую Русь с Россией; установить тесные связи с Югославией; признать независимость «Чехо-Словакии» и установить с ней непосредственное соприкосновение через территорию Галиции, а также установить ее территориальную связь с Югославией; признать самостоятельность Польши в ее этнографических границах, обеспечив ей выход к морю через Данцигский коридор, и заключить с ней союз; наконец, обеспечить культурное объединение между всеми славянскими народами и «всемерное содействие к соединению общеславянского Союза» [31. Л. 3].

Для выполнения столь амбициозной программы советник 2-го политического отдела МИД считал необходимым прежде всего установить тесные культурные и экономические отношения между славянскими народами [Там же. Л. 11]. Для этого в ряде сибирских городов были открыты отделения Союза Славянского, задачей которого было объединение представителей славянства «на почве культурно-экономического сближения» [Там же. Л. 12].

Необходимо отметить, что тема славянского единства поддерживалась в официальной и партийной печати на протяжении всего периода существования правительства А.В. Колчака. «Ликвидация германского империализма», закрепившая доминирующую роль стран Антанты и США, вместе с тем напрямую увязывалась антибольшевистскими силами с возможностью создания и дальнейшего развития славянских государств на территории распавшейся Австро-Венгрии и на Балканах. «Совершающийся на наших глазах мировой переворот имеет, бесспорно, громадное значение именно для славянских народов. Рождаются свободные славянские государства, совершается сказочное чудо, освобождаются и объединяются в самостоятельные политические единицы поляки, чехословаки, югославяне... Мы идем навстречу процветанию славянских национальных культур, бывших до сих пор в опале, под давлением немецкого национального гения», – полагал автор одной из статей в «Правительственном вестнике», скрывшийся под псевдонимом Б.И. [12. 1 дек.].

В условиях перераспределения центров силы одной из главных задач России являлось, по мнению белых, объединение славянства. Выполнение данной «исторической миссии» связывалось с обеспечением мира и стабильности во всей Европе. Автор постоянной рубрики «Политические заметки» газеты «Правительственный вестник» В. Кудрявцев, ссылаясь на слова проф. Т. Массарика, утверждал, что «все новые государственные образования, которые возникнут как результат войны, могут быть только тогда спокойны-

ми за свое будущее, если у них за спиной будет стоять Россия». Полагая, что Германия и Россия останутся антиподами и в будущем, В. Кудрявцев отмечал, что в интересах славянства, чтобы Россия играла роль «тыла», для «славянского авангарда», который в виде «длинной гирлянды государственных образований ляжет между Германией и Россией». Подытоживая свои рассуждения, автор обращался к ставшей повсеместной в антибольшевистской печати формуле – «сильная и единоподержавная Россия – страховый полис и Европы, да и вообще старого и нового Света» [Там же. 15 дек.].

По мере того как ожидания наступления всеобщего мира улетучивались, у журналистов и политических деятелей Белого Востока появлялось все больше оснований рассматривать будущий славянский союз под эгидой России в качестве серьезного противовеса Германии, способной вновь развязать войну. Так, называя Германию «ящиком Пандоры», из которого происходили все конфликты между славянами, редакция газеты «Военные ведомости» убеждала своих читателей, что «только Россия в будущем может охранять малые славянские народности от политических и экономических ударов германизма и от пагубных взаимных раздоров» [16. 5 авг.]. Дополнительным мотивом к объединению выступала отмеченная авторами некоторых публикаций тенденция – «создание племенных коалиций» для противостояния будущим угрозам [32. 20 окт.]. «...В то время, как австрийские немцы стремятся к соединению с Германией; в то время как все английские колонии желают теснее соединиться с Англией, – все славянские народы не должны забывать, что только в тесной и братской дружбе с Великой Россией они сохранят свою свободу и независимость», – писала томская «Наша газета» [26. 13 нояб.].

Таким образом, изначальный благоприятный сценарий будущего, который выстраивался в ходе попыток анализа нового расклада сил на мировой политической арене, оказался в итоге далек от реальности. Вопреки ожиданиям журналистов Белого Востока союзники по ряду причин не спешили играть роль «благородных спасителей», помогающих всем «государственно-мыслящим» элементам в деле избавления России от большевизма, который рассматривался как угроза для устанавливающегося в Версале миропорядка. В условиях, когда даже ближайшее будущее представлялось туманным, а надежды на активную помощь союзников таяли, пропагандисты антибольшевистских сил актуализировали то немногое, что еще оставалось в их идеологическом арсенале: прежде всего призывы опираться в борьбе с Советской властью на собственные силы, а также идею всеславянского единения. При этом, если мировая война трактовалась как противостояние пангерманизму и идее объединения славянства, то Гражданская война – как «видоизменное продолжение борьбы за славянство, перенесенное на русскую территорию». Как отмечалось в омской газете «Сибирский казак», «будущее не только России, но и всего славянского мира находится в тесной зависимости от исхода борьбы за освобождение России от власти большевиков» [33. 4 окт.].

Какие же задачи в области информационно-пропагандистской деятельности позволяло решать моделирование будущего?

Во-первых, это легитимация власти правительства А.В. Колчака и создание его положительного образа. Прогнозы, в которых фигурировала возрожденная «Великая Россия», по умолчанию предполагали победу белых и реализацию их программы. Следовательно, не подвергалась сомнению законность власти Верховного Правителя и правильность его текущей внутренней и внешней политики.

Во-вторых, в рамках моделирования происходила оценка политических акторов, явлений и событий, что позволяло, в конечном счете, выработать определенную систему ценностей и попытаться навязать ее читателю. Лежащие в основе данной системы культурные и духовные ориентиры, наряду с политическими и экономическими основаниями, выступали в качестве подтверждений необходимости единства России и Запада. Так, славянство во главе с Россией представлялось как сила, которой еще предстоит внести свой вклад в развитие человечества. Страны Антанты и США являли собой олицетворение идей демократии и гуманизма, которые, как казалось, будут положены в основание нового миропорядка. Следовательно, признание правительства А.В. Колчака и допуск делегации России на мирную конференцию превращался в акт принятия России в сообщество культурных, демократических государств, признание ее заслуг во время мировой войны.

Наконец, прогнозирование являлось способом консолидации и мотивации общества. Рассуждения о будущем крепком союзе России и славянских стран отражают активные попытки омских идеологов выстроить наднациональную идентичность, основанную на идеях панславизма. Причем если поначалу славянство противопоставлялось «германо-большевикам», то с ростом недовольства западными союзниками, в связи с непризнанием правительства А.В. Колчака, Россия как лидер славянского мира стала рассматриваться в качестве некоей альтернативы Западному миру.

Следует признать, что образы будущего, касавшиеся внешней политики, будучи достаточно схематичными, в то же время не являлись привлекательными для масс и, в отличие от идеологических конструкций большевиков, не включали в себя близких и понятных населению идей. В содержании позитивных моделей будущего Россия выступала как современное, сильное государство, лидер славянской общности, неотъемлемая часть европейской цивилизации и один из гарантов ее безопасности. Однако все эти идеи были слабо связаны с насущными и актуальными проблемами, такими как вопросы о земле, о мире, устройстве власти. В результате, несмотря на то что журналисты и идеологи антибольшевистского движения смогли дать ряд весьма точных прогнозов, им, в конечном счете, не удалось создать яркой картины будущего, способной консолидировать общество и привлечь на свою сторону большую часть населения. Представляется, что это и послужило одной из основных причин поражения антибольшевистских сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918 гг. М., 1990. 272 с.
2. Шиловский М.В. К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX в. : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 47–55.
3. Шевелев Д.Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительских органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 113–117.
4. Солопова О.А. Значимый «Другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1 (55). С. 126–135.
5. Князева А.А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 114. С. 207–212.
6. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2010. 960 с.
7. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2008. 800 с.
8. Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–81) и XXI в. (2000–2014) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 38 с.
9. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2012. 392 с.
10. Нестеренко П.Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. 171 с.
11. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
12. Правительственный вестник. Омск, 1918.
13. Сибирская речь. Омск, 1918.
14. Государственный Архив Российской Федерации. (далее – ГАРФ). Ф. Р200. Оп. 1. Д. 115.
15. Устрялов Н.В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое : альманах. СПб., 1993. № 4. С. 194–287.
16. Военные ведомости. Новониколаевск, 1919.
17. Голос Сибирской армии. Екатеринбург, 1919.
18. Наша газета. Новониколаевск, 1919.
19. Свободный край. Иркутск, 1919.
20. Забайкальская новь. Чита, 1919.
21. Русь. Омск, 1919.
22. Шевелев Д.Н. Сибирское-Российское-Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 112–119.
23. Правительственный вестник. Омск, 1919.
24. Русская речь. Новониколаевск, 1918.
25. Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Омск, 1919.
26. Наша газета. Томск, 1919.

27. Забайкальская новь. Чита, 1918.
28. ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 344.
29. Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое : альманах. СПб., 1991. № 2. С. 283–340.
30. Восточный курьер. Чита, 1919.
31. ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 361.
32. Наш путь. Омск, 1919.
33. Сибирский казак. Омск, 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2017 г.

RUSSIA, SLAVDOM AND THE ENTENTE IN THE FOREIGN POLICY FORECASTS OF THE OFFICIAL AND PRO-GOVERNMENT PRESS OF THE EAST OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR (NOVEMBER 1918 – DECEMBER 1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 96–104.

DOI: 10.17223/15617793/422/14

Kirill A. Konev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Keywords: forecasts; future; government of A.V. Kolchak; Civil War in Russia; periodical press; Entente; Slavdom.

The image of the Allies represented by the Entente countries and Slavic peoples took a special place in the content of the official rhetoric of the government of A.V. Kolchak. One of the ways of formation of this image was forecasting of the future. Models of the future are of interest primarily because they reflected the hopes and fears, expectations and ideals of their creators. The subjects of this work are predictions in the field of foreign policy concerning, above all, relations of Russia with the Slavic states and the Entente powers. The interest towards the Entente countries was caused by the hopes of the leaders of anti-Bolshevik forces to receive assistance and admission from the Allies. Close attention to the newly formed Slavic states reflected the aspiration to the strengthening of Russian influence in the Slavic world that largely was due to the task of restoring the country's grandeur – one of the key ideas in the propaganda of the Whites. The aim of the study is to identify the role of prognostic texts about the fate of Russia, the Entente countries and the Slavic States in the official discourse of the government of A.V. Kolchak by considering the features of the content of the models of future presented in these texts and by defining the sphere of duties that these models were designed to solve. The main sources were the official and pro-government periodical press, as well as archival documents of the Foreign Ministry of the Omsk Government. Then, what kind of challenges in the field of advocacy activities did forecasting make it possible to perform? First of all, it is the legitimation of the authority of the government of A.V. Kolchak and the creation of its positive image. Forecasts, in which Russia was positioned as a “Unified, Great and Undivided”, as the leader of the future Commonwealth of Slavic States, by default assumed the White domination and implementation of their program. Therefore, there was no doubt in the legitimacy of the authorities of the Supreme Ruler and the correctness of his current domestic and foreign policy. In the second place, modeling assessed phenomena and events, which ultimately allowed to develop a certain system of values and try to impose it on the reader. The last thing, forecasting was the way of consolidation of the society. Reasoning about the future strong Union of Russia and the Slavic countries reflects active attempts of Omsk ideologues to build a supranational identity, based on the ideas of pan-Slavism. Moreover, if initially the Slavs were opposed to the “German-Bolsheviks”, with the rising discontent with Western Allies, because of their non-recognition of the government of A.V. Kolchak, Russia as the leader of the Slavic world came to be regarded as some kind of an alternative to the Western world. Thus, forecasting the future formed images of enemies and friends, against which it was also possible to build one's own perfect image.

REFERENCES

1. Kakurin, N.E. (1990) *Kak srazhalas' revolyutsiya* [How the Revolution fought]. Vol. 1: 1917–1918. Moscow: Politizdat.
2. Shilovskiy, M.V. (2000) K voprosu o sozdanii Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva (Direktorii) [On the establishment of the Provisional All-Russian Government (Directory)]. In: *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri XX v.* [The socio-political life of Siberia in the twentieth century]. Vol. 4. Novosibirsk.
3. Shevelev, D.N. (2010) The activities of the Informative and cultural and educational establishments of the Russian government of Admiral A.V. Kolchak on uniting and coordinating of anti-bolshevik propaganda (spring – autumn 1919): inventing the Russian press bureau and Osvedve. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 340. pp. 113–117. (In Russian).
4. Solopova, O.A. (2016) “The different” that matters: Russia and America (linguistic political analysis based on the material of American political discourse of the XIXth century). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1(55). pp. 126–135. (In Russian).
5. Knyazeva, A.A. (2009) Teksty o predskazanii budushchego kak vid prognosticheskikh tekstov [Texts about predicting future as a type of prognostic texts]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 114. pp. 207–212.
6. Repina, L.P. (ed.) (2010) *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Images of time and historical representations: Russia – East – West]. Moscow: Krug”.
7. Repina, L.P. (ed.) (2008) *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with time: the memory of the past in the context of history]. Moscow: Krug”.
8. Solopova, O.A. (2016) *Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SShA i Velikobritanii XIX v. (1855–81) i XXI v. (2000–2014)* [Linguistic-political prognostics: a comparative study of models of the future of Russia in the political discourses of Russia, the United States and Britain 19th century (1855–81) and the 21st century (2000–2014)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
9. Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2012) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyy khronograf.
10. Nesterenko, P.L. (2000) *Sibirskaya periodicheskaya pechat' o vzaimootnosheniyakh pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka s soyuznikami: istochnikovedcheskiy aspekt* [Siberian periodical press about the relations of the government of Admiral A.V. Kolchak with the Allies: a source-study aspect]. History Cand. Diss. Tomsk.
11. Stel'mak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibolshevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
12. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918).

13. *Sibirskaya rech'*. (1918).
14. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R200. List 1. File 115. (In Russian).
15. Ustryalov, N.V. (1993) 1919-y god. Iz proshlogo [1919. From the past]. *Russkoe proshloe: al'manakh*. 4. pp. 194–287.
16. *Voennye vedomosti*. (1919).
17. *Golos Sibirskoy armii*. (1919).
18. *Nasha gazeta*. (1919).
19. *Svobodnyy kray*. (1919).
20. *Zabaykal'skaya nov'*. (1919).
21. *Rus'*. (1919).
22. Shevelev, D.N. (2011) Siberian-Russia-Russian telegraph agency and its role in supplying information for the Antibolshevik governments of Siberia in the days of The Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 112–119. (In Russian).
23. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919).
24. *Russkaya rech'*. (1918).
25. *Irtysk. Golos Sibirskogo kazach'ego voyska*. (1919).
26. *Nasha gazeta*. (1919).
27. *Zabaykal'skaya nov'*. (1918).
28. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R200. List 1. File 344. (In Russian).
29. Ustryalov, N.V. (1991) Belyy Omsk. Dnevnik kolchakovtza [White Omsk. Diary of a Kolchak follower]. *Russkoe proshloe: al'manakh*. 2. pp. 283–340.
30. *Vostochnyy kur'er*. (1919).
31. State Archive of the Russian Federation (GA RF) Fund R200. List 1. File 361. (In Russian).
32. *Nash put'*. (1919).
33. *Sibirskiy kazak*. (1919).

Received: 6 June 2017